

прилагательного свою центральную логическую позицию. Здесь следует обратить внимание на то, что, в отличие от русского языка (например, *нет тех времен давних и добрых*), постпозитивные определения немецкого языка не могут выступать в качестве согласующихся компонентов именной группы и обладают ярко выраженной двойственной синтаксической связью – с одной стороны, с определяемым существительным, с другой стороны, с эксплицитно или имплицитно выраженным предикатом, приближаясь по значению к предикативным определениям. Ср.: *Landal Ameland State liegt nur 100 km vom Strand entfernt und bietet pure Natur* и *Landal Ameland State liegt nur 100 km vom Strand entfernt und bietet Natur pur* [1].

Таким образом, проведенное нами исследование свидетельствует о том, что данные конструкции приобретают в современном немецком языке особую значимость и требуют дальнейшего изучения в аспекте функционирования признаков определения, активно формирующих семантическую структуру предложения.

Литература

1. Kataloge online blättern [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kaufnavigator.de>. – Дата доступа: 30.01.2013.
2. Sick, Bastian. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod / Bastian Sick. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2011. – 240 S.
3. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – 597 с.
4. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка / В. Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1963. – 336 с.
5. Bender, Ernst. Deutsches Lesebuch. Obersekunda / Ernst Bender. – Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1965. – 271 S.

УДК 811.161.1'366:811.161.1.3'366:811.112.2'366

Е. Г. Панфилова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕМ РАЗНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В предлагаемой статье рассматриваются формоизменяемые и классификационные грамматические значения фразем русского, белорусского и немецкого языков; показана зависимость морфологических

свойств фразем разных грамматических разрядов от частеречной принадлежности синтаксически независимых лексем в их составе.

Фразеологический фонд языка определенным образом встроен в многоуровневую «систему систем языка». Фразеология взаимодействует не только с лексикой, но и с грамматикой языка. Свойства разных фразеологизмов в определенной степени зависят от лексико-семантических и грамматических свойств входящих в их состав лексем.

Поскольку объемы фразеологических фондов исследуемых языков необозримы, то целесообразно изучать грамматическую и семантическую структуру фразеологии разных языков путем лингвистического моделирования. Для создания фразеологических корпусов (т. е. моделей фразеологии) были отобраны по 10 крупных фразеологических гнезд с высокочастотными существительными, прилагательными и глаголами в трех исследуемых языках. Отобранные лексемы трех языков являются взаимными переводными соответствиями (например, рус. *ветер*, бел. *вецер*, нем. *der Wind*). Понятие «фразеологическое гнездо» лишь частично соотносится с понятием «словообразовательное гнездо». Фразеологическое гнездо – это не продукт фразеологической активности всегда именно повторяющегося (общего для гнезда) слова, а все фраземы с данным словом, независимо от того, является ли слово «семантическим стержнем» этой фраземы, и от того, является ли слово синтаксически независимым компонентом фраземы. Фразеологическое гнездо в настоящей работе рассматривается как вспомогательный конструкт, используемый для методически корректного формирования модели, в которой представлена фразеология во всем своем грамматическом разнообразии. Материал исследования (совокупный объем трех корпусов) составили 4082 фраземы разной грамматической структуры в трех языках.

Компоненты, принадлежащие к разным частям речи, могут влиять на грамматические свойства только тех фразем, в которых они выступают в независимых синтаксических позициях. Значимость гнездообразующих лексем в рассматриваемом аспекте прямо коррелирует с их ролью в синтаксической организации оборотов, входящих во фразеологические гнезда с этими лексемами. Н. М. Шанский писал: «В глагольных, субстантивных и адъективных фразеологизмах грамматические формы компонентов могут так или иначе меняться. Грамматически зависимые компоненты изменяют эти формы очень ограниченно. Значительно свободнее изменяются стержневые компоненты» [1, с. 48]. Однако и здесь существуют ограничения.

Во-первых, ограничение формоизменительных возможностей фразем зависит от того конкретного значения, которое есть у

фразеологического оборота (далее ФО) как значимой языковой единицы. Так, в значительном количестве фразем с грамматически опорными существительными, которые по семантике соотносятся с наречиями, парадигматические изменения компонентов и, следовательно, самих фразем невозможны, например, рус. *день в день* 'точно в назначенный срок' (МАС, I, 387), бел. *з голымі рукамі* 'без усялякай зброі; нічога не маючы ў руках' (ТСБМ, IV, 723), нем. *auf dem Wege einer Sache* (досл. 'на дороге какого-л. дела, вещи') 'при помощи какого-л. дела, вещи' (Dud, XI, 853) и др. Во-вторых, ограничения в образовании грамматических форм слов в пределах фразем зависят от степени семантической слитности оборотов, что было установлено в исследованиях Н. М. Шанского, А. Н. Тихонова и других лингвистов [1; 2; 3; 4]. Н. М. Шанский пишет, что «наблюдается минимальная изменяемость компонентов в фразеологических сращениях и максимальная в сочетаниях и выражениях» [1, с. 49]. В качестве примеров приведем фразеологическое выражение *делать (или, корчить, строить) рожу (рожи)* 'прост. гримасничать' (МАС, III, 726), где глагол обладает почти всеми возможными для него грамматическими формами, а существительное способно изменять форму числа, и фразеологическое сращение *шутка (ли) сказать* 'употребляется для подчеркивания важности, значительности чего-л. в значении: разве это простое дело' (МАС, IV, 101), компоненты которого не изменяются вообще [1, с. 81].

Несмотря на указанные ограничения в реализации грамматических форм, в материале трех рассматриваемых языков значительная часть фразеологических оборотов обладает формоизменяющимися возможностями, согласуясь со словами свободного употребления в речи. Рассмотрим морфологические свойства фразем, в которых гнездообразующие лексемы разных частеречных разрядов являются синтаксически независимыми словами.

Грамматические свойства всех глагольных фразем в нашем материале полностью определяются грамматическими свойствами гнездообразующих лексем. Глагольные фраземы обладают морфологическими категориями лица, числа, времени, залога, а также в славянских языках категорией вида, и выражают отношения и связи со словами в речи посредством парадигматических форм. Вместе с тем, одни и те же грамматические категории могут по-разному проявляться у разных фразеологизмов. Без ограничений реализуются категории лица и числа глагольных фразем со структурой словосочетания в трех языках. Остальные грамматические категории имеют ограничения в образовании парадигматических форм.

В первую очередь речь идет о категории вида, присущей всем славянским фраземам. В материале русского и белорусского языков

некоторые фраземы имеют видовой коррелят (рус. *дать/ давать голову (или руку) на отсечение* ‘с полной убежденностью ручаться за что-л.’ (МАС, II, 710)). Часть употребляется только в совершенном виде (бел. *адхадзіць ногі* ‘змарыцца, стаміцца ад хады’ (ТСБМ, I, 187)), а некоторые только в несовершенном (рус. *играть комедию* ‘презр. вести себя лицемерно, притворяться’ (МАС, II, 82)).

Все глагольные фраземы со структурой словосочетания в трех языках изменяются по временам. Большинство оборотов в трех языках могут употребляться во всех временах. Ограничения в реализации категории времени у русских и белорусских фразем связано с их видовой характеристикой. Так, фраземы с глаголами в совершенном виде не могут употребляться в настоящем времени. У немецкого глагола грамматическая категория вида отсутствует, однако более сложна категория времени. В немецком языке насчитывается шесть времен, в то время как в рассматриваемых славянских – три. Ограничение в образовании тех или иных временных форм обусловлено конкретным значением той или иной фраземы и невозможностью реального отнесения действия к тому или иному времени. Например, фраземы *die alte Platte spielen* (досл. ‘играть старую пластинку’) и ‘разг. постоянно говорить одно и то же’ (Dud, XI, 588) и *lange Zähne machen* (досл. ‘делать длинные зубы’) ‘разг. очень медленно жевать, показывая этим, что не вкусно’ (Dud, XI, 893) не употребляются в перфекте.

Глагольные фраземы теоретически могут употребляться в разных наклонениях, а также в разных залоговых формах, если опорным компонентом является переходный глагол. Однако, как показывает анализ языкового материала, чаще всего фраземы употребляются в изъявительном наклонении, реже в повелительном и практически не употребляются в сослагательном. Что касается залоговых форм, то в рассмотренном материале фраземы в страдательном залоге не представлены, что объясняется книжностью пассива, плохо совместимой с преобладающей разговорностью фразеологии.

В зависимости от полноты парадигмы субстантивные фраземы, в которых гнездообразующие лексемы-существительные выступают в независимых синтаксических позициях, делятся на две группы: с неизменяемой формой существительного и с изменяемым существительным. В первую группу входят фраземы, не обладающие формоизменительными возможностями. Это ФО, которые по семантике являются наречными фраземами, т. е. обозначают непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства. Как известно, главным формальным признаком наречия как части речи является отсутствие словоизменения

(исключение составляют наречия, образующие формы сравнительной степени), поэтому наречные по значению фразеологизмы не имеют парадигматических форм. Приведем примеры субстантивных фразем, не имеющих словоизменительной парадигмы: рус. *без (задних) ног* ‘прост. не в состоянии двигаться от усталости или болезни, опьянения и т. п.’ (МАС, II, 506), бел. *дзень за днём* ‘з кожным днём, паступова’ (ТСБМ, I, 168), нем *zur linken Hand* (досл. ‘к левой руке’) ‘слева’ (Dud, XI, 491). Удельный вес морфологически неизменяемых фразем с грамматически опорными существительными в материале трех языков значительный: в материале русского языка он составляет 75 % (116 ФО из 154), в материале белорусского языка – 65 % (103 ФО из 159), в материале немецкого языка – 73 % (51 ФО из 70).

Во вторую группу входят субстантивные фраземы, обладающие некоторыми парадигматическими грамматическими формами, например, рус. *печатное слово* ‘то, что напечатано, опубликовано’ (МАС, III, 118), бел. *бедная галава* ‘пра няшчаснага чалавека, які выклікае спагаду’ (ТСБМ, II, 15), нем. *das Auge des Gesetzes* (досл. ‘глаз закона’) ‘шутл. полиция’ (Dud, XI, 71) и др. Такие фраземы в зависимости от свойств синтаксически независимых существительных часто обладают грамматической несловоизменительной категорией рода и словоизменительными категориями числа и падежа, однако с существенными ограничениями в реализации их парадигматических форм. Так, парадигматические формы склонения есть у большинства субстантивных фразем в материале трех языков, а парадигматические формы числа реализуются только в нескольких единицах в русском, белорусском и немецком языках: *рабочий день* ‘определенное количество времени, положенное для работы, службы’ (МАС, I, 387) – *рабочие дни*, бел. *загалавачнае слова* ‘слова як элемент слоўніка, якое вылучаецца асобным шрыфтам і тлумачыцца ў слоўнікавым артыкуле’ (ТСБМ, V, ч. 1, 205) – *загалавачныя словы*, нем. *geflügeltes Wort* (досл. ‘крылатое слово’) ‘часто цитируемое выражение’ (Dud, XI, 882) – *geflügelte Worte*. Абсолютное большинство оборотов употребляется либо в единственном, либо во множественном числе (рус. *вороний глаз* ‘ядовитое травянистое растение сем. лилейных, дающее одиночный плод – черную ягоду на конце стебля’ (МАС, I, 212), бел. *лічанья дні* ‘мала часу; нядоўга’ (ТСБМ, I, 168) и др.).

Грамматические свойства большей части тех немногочисленных адъективных фразем, в которых гнездообразующие прилагательные выступают в независимых синтаксических позициях, также обусловлены свойствами прилагательных. К этим грамматическим свойствам относится возможность изменения адъективных фразем по родам

(рус. *широк костью* ‘о человеке коренастом, плечистом, крупном’ (МАС, II, 114) – *широка костью*), числам (бел. *цяжкі на пад’ём* ‘а) пра чалавека, якога цяжка ўгаварыць куды-н. пайсці, паехаць і пад.; б) пра таго, хто з неахвотай прымаецца за што-н., ідзе на што-п.’ (ТСБМ, V, ч. 2, 279) – *цяжкія на пад’ём*) и падежам в зависимости от синтаксической функции в предложении. Несколько адъективных фразем в немецком материале по семантике являются наречными оборотами, поэтому морфологические категории у них, как и у наречий, отсутствуют, например: нем. *lang und breit* (досл. ‘длинный и широкий’) ‘очень подробно, исключительно, в полном объеме’ (Dud, XI, 465).

Таким образом, состав морфологических категорий и реализация их парадигматических форм во многом определяются свойствами грамматически опорных компонентов фразем, поэтому гнездообразующие лексемы разных частеречных разрядов могут влиять на грамматические свойства только тех фразем (или их части, как в случае с субстантивными и адъективными оборотами), в которых они выступают в независимых синтаксических позициях. Чаще всего грамматические свойства фразем зависят от грамматических свойств глагольных лексем, по которым фраземы определены в словарях во фразеологические гнезда, так как во всех оборотах глаголы являются грамматически-стержневыми компонентами; меньшую роль играют существительные и совсем незначительную – прилагательные из-за того, что в рассматриваемых фраземах со структурой словосочетания слова этой части речи почти всегда являются синтаксически зависимыми компонентами.

Сокращения

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1985.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. (6 кн.) / Пад агульн. рэд. К. К. Крапівы. – Мн., 1977–1984.

Dud. – Duden in 12 Bänden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: 3. Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2008.

Литература

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и дополн. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

2. Тихонов, А. Н. К вопросу о видовой парности глаголов в составе фразеологических единиц / А. Н. Тихонов // Вопросы фразеологии. Новая серия. – Вып. 106. – Самарканд, 1961. – С. 160–169.

3. Жуков, В. П. Русская фразеология: учеб. пособие для филол. спец./ В. П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.

4. Жуков, В. П. Формоизменение фразеологизмов русского языка / В. П. Жуков // Русистика. – Берлин, 1991. – № 2. – С. 36–40.

УДК 811.111'38'367.627

А. Е. Протопопова, Ж. В. Малиновская

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В данной статье рассматривается стилистический потенциал числительных как средства создания экспрессивности в художественном тексте. Расхождение между традиционно обозначаемым (количество, номер по порядку) и ситуационно обозначаемым (множественность, незначительное количество) выражается в нарушении грамматических валентностных связей. В статье проанализирована стилистическая функция числительных, имеющих экспрессивную, эмоциональную и оценочную коннотацию в составе тропов (гипербола, метонимия, перифраз, эпитет), свободных и идиоматических словосочетаний.

Рассматривая экспрессивные качества различных языковых средств, стилистика использует данные фразеологии, семасиологии, морфологии и других отраслей лингвистики, при этом объектом исследования является стилистическая функция, которая определена И. В. Арнольд как «выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, обеспечивающий передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации» [1, с. 64].

В современной стилистике принято понимать стилистическую функцию как роль, которую те или иные классы слов выполняют в структуре единиц более высокого уровня.

Стилистическая функция возникает на основе языковой структуры текста в результате взаимосвязи элементов всех уровней, а анализ стилистической функции подразумевает выделение эмоциональных, экспрессивных и оценочных коннотаций языковых единиц.

Имя числительное трактуется грамматикой как часть речи, которая указывает на отвлеченные числа, количество предметов и порядок их при счете и в силу этого предназначена для выражения точной,